

СРЕДНИЙ КЛАСС: СОЦИАЛЬНЫЙ МИРАЖ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Автор: Р. Х. СИМОНЯН

СИМОНЯН Ренальд Хикарович - доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Российско-Балтийского центра.

Совсем недавно навязанное сверху упоение построенным, да еще и развитым социализмом, которого никогда в СССР реально не было, создало пагубную для общественного сознания ситуацию, когда мнимое стало заменять действительное. У нынешних руководителей России вместо "развитого социализма" в ходу новые определения: "правовое государство", "средний класс", "гражданское общество". Всегда ли их понимание отвечает реальному содержанию?

Остановимся на одном из них: среднем классе или в другой интерпретации среднем слое. Л. Эрхард, заложивший основы современной экономической системы в Германии, охарактеризовал в 1954 г. средний класс, как "людей, качественными признаками которых являются чувство собственного достоинства, независимость взглядов, самостоятельность, социальная устойчивость, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире" [1].

Одним из основных признаков такой важной категории как общественный класс является классовое самосознание, которое в социологической науке определяется как "ощущение общей идентичности в целом, свойственной членам определенного социального класса" [2]. В отличие от потребительского слоя класс - образование долговременное. Отсюда еще один признак класса - возможность передавать классовую принадлежность по наследству. Именно этот фактор формирует у тех, кому есть что передавать, долговременные, а не сиюминутные интересы.

Первый премьер-министр Эстонии Э. Сависаар, немало сделавший для социально-экономического развития своей страны, считает, что для среднего класса характерны следующие черты: относительно высокое качество жизни, уверенное и стабильное социальное положение, высокий уровень образования и хорошая подготовка по специальности, высокий уровень конкурентоспособности на рынке труда, хорошая информированность о происходящем в обществе, политический скептицизм, умение самостоятельно анализировать и обобщать информацию, эффективная самореализация в обществе, активное воздействие на значимые социальные процессы, чувство гражданской ответственности, ориентация не только на себя и свою семью, но и на общество в целом [3]. Таким образом и в первом, и втором случае акцентируется не столько экономическая, сколько социально-политическая компонента понятия "средний класс".

Общественно ценная особенность среднего класса заключается в его положении в центре социальной системы, что делает ее стабильной, если этот класс является достаточно многочисленным. В этом случае общество гарантирует себя от крена в крайние - левое или правое положения. В категории "средний класс" содержится указание не столько на характеристику экономическую, сколько на характеристику той позиции, которую он занимает в системе социальных отношений общества. И, что очень важно, от осознания своей роли, исходящей из этой позиции.

Таким образом, **средний класс, в его строгом, классическом содержании, составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых**

ценностей гражданского общества - личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, составляющих в совокупности его классовое самосознание, которое и делает средний класс основой гражданского общества.

Одна из методологических ошибок российских реформаторов в 1992 г. заключалась в том, что отношения собственности изначально рассматривались ими лишь в сугубо экономической плоскости. Шлейф применения узкопрофессиональных дефиниций тянется и по сей день, когда видные экономисты, давая определение среднему классу, сводят его к простейшему критерию, - например, два автомобиля на одну семью [4], что автоматически делает любого "братка" из солнцевской или тамбовской мафии столпом гражданского общества. К сожалению, важнейший признак принадлежности к среднему классу - социально-политический, не принимается во внимание у нас не только экономистами, но даже и многими социологами [5]. В этом можно видеть еще одно проявление курса на идеологизацию экономических реформ, о которой писал академик А. Некипелов [6]. Отсюда многочисленные российские парадоксы. Санкт-петербургские социологи отмечают, что многие респонденты относят к представителям среднего класса не учителей, инженеров, юристов, врачей, а исключительно владельцев частного бизнеса, так как люди без образования зарабатывают значительно больше, чем образованные [7].

Да и само понятие "благополучие" в современных условиях оказывается не вполне адекватным, если его ограничивать строго экономическим подходом, поэтому он все чаще заменяется на более точное - качество жизни. Критерий доходов и связанный с ним критерий потребления в настоящее время все явственнее вытесняется другими - свобода, творчество, самостоятельность, безопасность, наличие благоприятной социальной среды, возможность распоряжаться своим временем.

Ущербность узкоэкономического подхода к понятию "общественный класс" вообще, и "средний класс", в частности, ощущают многие социально мыслящие экономисты. "Для того чтобы срединный слой выполнял функцию социального стабилизатора и источника социального развития, недостаточно условия его массовости, - пишут Е. М. Аврамова, О. А. Александрова и Д. М. Логинов. - Важно, чтобы этот слой выполнял полный набор политэкономических функций" [8]. В перечне этих функций они называют законопослушность и независимость представителей этого слоя, осознание ими своих интересов и способность их отстаивать, прежде всего, в форме поддержки тех институтов гражданского общества, которые интегрируют и защищают эти интересы на политическом уровне.

Приоритет экономического базиса над социальной (психологической, политической, идеологической) надстройкой, индоктринированный в общественное сознание примитивно понимаемым марксизмом, оказался весьма востребованным реформаторами, которые на этом формальном и некорректном основании акцептируют наличие среднего класса в российском обществе. Действительно, материально состоятельных, и даже сверхбогатых в нынешней России немало. Но может ли даже высокопоставленный чиновник, берущий взятки, или крупный предприниматель, дающий их, или, точнее, вынужденный их давать, считаться гражданином в строгом общественно-политическом значении этого слова? И тот, и другой несвободны. Они не столько граждане, сколько верноподданные власти, точнее, повязанные с ней поделники. Но "даже не взяточник, не подхалим, а добросовестный чиновник, твердящий про лояльность президенту как высшую ценность, - замечает в этой связи Б. Акунин, - тоже никакой не государственный - он вассал. А если власть идет неверным путем, если действует во вред государству?" [9]. Парагвайский диктатор А. Стреснер справедливо подметил, что коррупция порождает сопричастность, сопричастность - преданность, преданность - пресмыкание. И чем выше уровень коррупции, тем больше средств давления на тех, кого сегодня так охотно и так необоснованно относят к среднему классу.

Криминальная приватизация по определению не могла создать условия для появления среднего класса. Как отмечает А. Нещадин, гайдаровскими реформами "по сути дела было простимулировано создание коррумпированного государства" [10]. На усиливающийся разгул коррупции постоянно обращают внимание и сами российские руководители. Коррупция сегодня стала органическим элементом государственного устройства. Вот почему сегодня типичный российский обладатель капитала так же далек от классического среднего класса, как далека блатная "феня" от русского литературного языка [11]. Нынешний российский собственник, - подчеркивает С. Дзарасов, - является носителем криминального, а не рационального типа сознания... Наша сегодняшняя трагедия состоит в том, что богатства оказались в собственности криминального класса, который способен захватывать чужое добро, но не способен созидать. При этом он сознает незаконность приобретений и, обладая уголовной психологией, смотрит на собственность других отнюдь не с уважением, как принято в цивилизованном обществе, а так как принято в уголовной среде, т. е. как на очередную желанную добычу [12].

Никаких общественных функций за полученной собственностью нынешняя российская номенклатура не признает. Новые российские капиталисты исходят из того, что общего блага не существует вообще, а следовательно, он не имеет к этому никакого отношения. Все попавшее в его руки российский собственник рассматривает как свою добычу и личную привилегию, считает С. Дзарасов. "Этим он отличается от своего западного двойника, - пишет он далее, - который признает, что частная собственность необходима не только для частного присвоения, но и для выполнения определенных общественных функций. Без этого она всегда будет объектом общественного посягательства и не сможет остаться неприкосновенной" [13]. Собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она легитимна. Тогда она вызывает уважение. И только при этом условии становится экономической основой гражданского общества. Подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1992 - 1995-х годов, не считает собственность, появившуюся в результате этой приватизации легитимной.

Реформаторам в странах Центральной и Восточной Европы и странах Балтии удалось в значительной мере избежать ошибок, которые совершили российские реформаторы. Несмотря на то, что условия либерализации и демократизации (традиции частной собственности, менталитет населения, удельный вес самостоятельных индивидов в обществе) в этих странах были более благоприятными, чем в России, там одновременно происходили процессы реформирования и государства, и общества. Вместе с проведением экономических реформ в этих странах настойчиво стимулировались процессы развития гражданских институтов - добровольных политических, экономических, профессиональных, культурных и территориальных объединений граждан, составляющих организационный каркас гражданского общества. Это ориентировало общественное сознание на принятие и усвоение всего спектра либерально-демократических ценностей, а не только на его сугубо экономическую часть. Активная деятельность этих институтов является сущностной чертой гражданского общества. К ним относятся политические партии, независимые профсоюзы, общественные организации, свободные средства массовой информации и другие, выполняющие роль социального мезоуровня в политической коммуникации между властью и населением.

Разумеется, социально-политический признак среднего класса не является актуальным для западного общества, давно вышедшего на такой уровень гражданской зрелости, которая становится гарантией устойчивости всей демократической общественной системы. Английская Хартия Вольностей, зафиксировавшая незыблемость института частной собственности, датируется, как известно, XIII веком. Формирование гражданского общества и правового государства для Западной Европы это давно решенные и уже забытые проблемы. Но для постсоветских государств, находящихся в стадии общественной трансформации, социально-политический критерий среднего класса является определяющим и не принимать его в расчет в переходный от тоталитарного к гражданскому обществу период серьезная методологическая ошибка.

Многие современные российские обществоведы "пользуются заимствованными, чужими категориями и объяснениями, - справедливо замечают Л. Гудков, Б. Дубин и Ю. Левада, - не ставя вопрос об их адекватности и приложимости к нынешней российской ситуации" [14]. Поверхностное калькирование фразеологем западной социологии в анализе российских реалий таит в себе опасность очередного теоретического тупика. Проблема чистоты категориально-понятийного аппарата в общественных науках вообще, и, в частности, механический перенос устоявшихся дефиниций из одного цивилизационного пространства в другое (или из одного этапа развития общества в другой), не является новой. Достаточно вспомнить, как марксистскую терминологию ("классовая борьба", "пролетариат", "противоречия между трудом и капиталом" и т. п.) пытались применить к социально-политическим процессам в тропической Африке в 1950-х годах, когда там начала рушиться колониальная система.

Тем не менее, российские масс-медиа демонстрируют уверенность в наличии среднего класса (именно класса, а не среднего потребительского слоя!) в социальной структуре нашего общества. "Почему же в российской политической публицистике, вообще в политическом лексиконе так много упоминаний о среднем классе, который то ли уже существует, то ли должен быть форсированно создан, чтобы образовать основной стержень демократического общества? - задает вопрос проф. А. Галкин. - Видимо, к числу причин этого следует отнести, наряду с прочим, сменившие знак рудименты прежнего мифологизированного сознания. С советских времен в этом сознании застряло представление, согласно которому в обществе должна существовать массовая социальная группа, составляющая опору существующего политического режима. В свое время ею считался рабочий класс. Теперь у нового режима иная социальная опора - средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается - то, в крайнем случае, придумать" [15]. Ведь средний класс - весьма привлекательный символ общественного благополучия и успешной государственной внутренней политики. Педальирование этой темы в официальной лексике властных структур и контролируемых ими масс-медиа - порождает один из многих фантомов, призванных демонстрировать достижения экономических реформ. Подгонка дефиниций под задачи дня - традиционный социальный регулятор массового сознания. Еще П. Бурдьё отмечал, что уже "само обозначение социальных групп является эффективным механизмом управления массового поведения" [16]. Достаточно вспомнить недавнюю "прослойку" между двумя "полноценными" классами в СССР. Это политическое клише не только указывало для интеллигенции место в социальной структуре, но и заранее дезавуировало ее претензии на социальное творчество. Таким образом, власть, наклеивая достаточно обидный, если не сказать, презрительный, ярлык на самую независимую и, следовательно, опасную для власти часть общества, предусмотрительно снижала ее социально-психологический статус. И, надо сказать, не напрасно. Губительные для власти тенденции вскоре проявились.

В процессе перехода СССР в постиндустриальную стадию в его социальной структуре в 1970 - 80-е годы произошли значительные изменения, сопровождавшиеся эволюцией государственного контроля за обществом. В распоряжении государственной машины уже не было тех средств для организации тотального давления на массовое сознание, которыми оно располагало до середины 1950-х годов. Импульс к аккумуляции демократических идей в общественном сознании, произошедший в 1960-х и получивший название "оттепель", является красноречивым свидетельством этого. Уже тогда стали накапливаться, если не элементы, то определенные предпосылки образования гражданского общества - появление достаточно многочисленных социальных групп преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. А к началу 1990-х годов сложился, если и не очень многочисленный, то все же достаточно представительный средний класс, не только активный политически (масштабы митингов в Москве, Ленинграде, Свердловске и др. городах это наглядно показали), но и обеспеченный экономически (что подтвердило кооперативное движение конца 1980-х годов). Его интеллектуальный и

творческий потенциал в масштабах общества был никак не меньше, чем в странах Восточной Европы. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка и соответствующее чувство собственного достоинства, способность противостоять внешнему давлению, в том числе и идеологическому манипулированию. А события второй половины 1980-х годов способствовали формированию не только общей идентичности, но и солидарности у его представителей. Т. е. критерии его выделения в полноценный общественный класс были основательными, они находились не только и не столько в экономической, сколько в идейно-ценностной плоскости. Особенно была заметна социальная активность этого класса в крупных промышленных городах, и здесь Россия имела безусловное преимущество не только перед другими союзными республиками, в том числе и республиками Прибалтики, но и перед социалистическими странами Восточной Европы. В отличие от восточноевропейских стран и Прибалтики Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Но инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно представители этого класса испытали наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. От него российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство его представителей было выброшено на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий, и других высокообразованных профессионалов. Не меньшее количество представителей этого класса эмигрировало за рубеж. Таким образом, один из самых главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству - творческий ресурс населения - вместо того, чтобы быть использованным, оказался в России дискредитированным, а сложившийся к началу 1990-х годов в России средний класс, в результате реформ был разрушен. При этом возможности гражданской инициативы населения России после распада СССР не только не расширились, но даже сузились, что переводит вопрос о возрождении среднего класса в чисто теоретическую плоскость.

Разумеется, в каждом обществе существует иерархия потребления материальных благ. Между самыми обеспеченными и самыми бедными обязательно существует какая-то промежуточная, средняя часть. В экономической терминологии - это средний потребительский слой. Ни в одном серьезном экономическом исследовании нельзя обнаружить желание назвать эту статистическую группу классом. Но сегодня стремление представить классом всю аморфную совокупность представителей среднего потребительского слоя имеет свою логику.

Внедрение в массовое сознание стереотипизированных понятий, к которым относятся и понятия, обозначающие социальные группы, является одним из эффективных рычагов воздействия на общественное сознание. "Конкуренция за продвижение "своих" интерпретаций понятий в символическом пространстве является идеальным отражением реального межгруппового взаимодействия, в ходе которого идет постоянная борьба за реализацию "своего" варианта общественного развития" [17]. Именно здесь, на мой взгляд, коренятся усилия со стороны правящей номенклатуры во что бы то ни стало утвердить наличие среднего класса в современной России. И это производит определенный эффект. "При отсутствии в России среднего класса, - отмечает в этой связи директор института экономики РАН Р. Гринберг, - почти половина населения отождествляет себя со средним классом - то есть более или менее довольны жизнью, что еще больше укрепляет уверенность власти в правильности своего поведения" [18]. Желание быть средним по-человечески понятно. В России это еще и определенная гарантия безопасности. Может быть, именно поэтому словосочетание "средний класс",

запущенное нынешней властной номенклатурой в обиход, становится привычным. В бытовом сознании акцентируется первая часть этого понятия - "средний" (как у части обществоведов прилагательное "новый" затмевает существительное "класс"). Недавно красноярские социологи установили, что подавляющее большинство жителей даже самых неблагополучных деревень при анкетировании уверенно относят себя к среднему классу. Действительно, сельский пенсионер, имеющий крышу над головой, живущий с собственного огорода, да еще делающий на зиму заготовку грибов и ягод, справедливо считает себя "не хуже других", а значит, представителем среднего класса.

Под замещением понятия "среднее потребление" понятием "средний класс" имеется вполне определенная идеологическая основа. Выше отмечалось, что этот фантом можно использовать в общественном мнении как некий положительный итог экономических реформ. Но потребительская серединка, и та, которая существует реально, и та, которая себя таковой осознает, не составляет никакого класса, справедливо замечает основатель ВЦИОМ проф. Ю. А. Левада, и не может им быть. "Искусственно создать, вырастить такой (или какой-либо иной) "класс" невозможно, да и не нужно. Если нынешнему российскому обществу недостает стабильности и особенно уверенности в будущем (в будущей стабильности), то это не потому, что в нем мало "средних", а потому, что в нем нет *структуры*, которая связывает в одно общественное целое людей разных профессий, слоев и состояний, задает правовые и моральные рамки социального действия, короче говоря, превращает *человеческое множество в народ*, а стабильную инертность "середины" в динамическую устойчивую мобильную развивающуюся структуру" [19]. "Средний" человек, который стремится выжить, оставаясь средним, фактор той стабильности, пишет дальше Ю. Левада, которой, фигурально выражаясь, обладает лежащий камень или стоячее болото. В обществе такая стабильность недостаточна и ненадежна: если люди хотят просто выжить, они будут готовы адаптироваться к любому режиму и любой его перемене. Устойчивость общества и, тем более, общественного прогресса не может опираться на пассивное терпение большинства. Общество стабильно, когда оно организовано, когда люди и группы знают и умеют отстаивать свои права, ориентироваться на высокие образцы, когда есть место для "середины", но есть и механизм, который может преодолеть ее ограниченность.

Наличие среднего потребительского слоя требует изучения возможностей и вероятности превращения его в полноценный класс, но для этого, справедливо полагают многие исследователи, необходимы такие условия, как модернизация и структурные преобразования экономики, изменение психологии, формирование определенных мировоззренческих характеристик, новых стереотипов социального и политического поведения, т. е. для созревания среднего класса требуется достаточно длительный период. "Только совокупность перечисленных компонентов, - справедливо полагает С. Г. Саблина, - может выступить одним из факторов "превращения" индивидов, занимающих срединные положения в социальных иерархиях, в представителей среднего класса" [20].

Что же касается удельного веса среднего потребительского слоя в России, то в реальности он не столь статистически значим, как это настойчиво индоктринируется российскими СМИ. В зависимости от методик определения этой "середины" в российской общественной периодике появляются различные величины - от 20 до 60%. Но можно указать на один показатель, пожалуй, наиболее адекватно отражающий соотношение "весьма состоятельные" и "остальные". Это - количество граждан, имеющих заграничный паспорт, т. е. тот социальный слой, представители которого или совершают зарубежные поездки, или, по крайней мере, надеются их осуществить. В современном мире, да и в нынешней России отнюдь не признак какой-то особой материальной состоятельности, но, разумеется, занятие недоступное бедным. Обладателей загранпаспортов в 2007 г. в России, по данным МВД РФ, было около 8,5 миллионов человек [21], что вовсе немало - взрослое население средней европейской страны. Для европейского обывателя это может создать впечатление о высоком уровне благосостояния россиян. Но ведь это всего лишь 6% от общего количества населения

России. Весомость этого показателя в его объективности и конкретности. Сюда включены и те, кто имеет загранпаспорт, но никогда им не воспользовался и не воспользуется, и те, кто раз или два съездил в отпуск в Турцию или Египет, где отдых на море намного дешевле, чем в России или в Украине.

Как было отмечено, уже почти десять лет Россия живет в условиях необычайно благоприятной для нее конъюнктуры цен на мировом рынке. Естественно, что это не может не отразиться и на материальном благополучии населения. В этих условиях происходит не только рост числа миллиардеров - в 2003 их в России было 11, в 2007 стало 54, но и возрастание доли тех, кого можно отнести к среднему потребительскому слою. Этот отрадный момент рождает надежду, что постепенно появятся условия для формирования среднего класса и его следствия - гражданского общества. Основной залог этого - современные глобальные процессы, мир становится более открытым и динамичным. Россия не может оставаться в стороне от общемировых тенденций. Авторитарные системы неэффективны, они исчерпали себя уже в XX веке. Поколение, для которых слово "демократия" после реформ 1990-х годов стало бранным, а результат этих реформ вызвал у них жажду авторитарного руководителя, "твердой руки", уступит место новому поколению, которое непременно покончит с пагубной российской традицией долготерпения, потребует от властей регулярного отчета за свои действия. Отсутствие рефлексии по обманутым надеждам освободит творческий ресурс и направит энергию этого поколения на действительную модернизацию страны, а, отмеченный многими, жесткий рационализм и прагматизм сделает его невосприимчивым к искушению социальными миражами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрхард Л. *Благосостояние для всех*. Таллинн, 1998. С. 108.
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. *Социологический словарь*. Казань, 1997. С. 127.
3. Сависаар Э. *Верю в Эстонию*. Таллинн, 2003. С. 145.
4. Это популярное в экономических кругах определение высказал бывший министр финансов РФ проф. А. Лифшиц в интервью радиостанции "Эхо Москвы" 27 сентября 2002 г.
5. См., например: Рывкина Р. В. *Эксперты о среднем классе. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень*, 1993. N 10. Алексин М. *Социология и менеджмент*. М., 1994.
6. См.: Некипелов А. Д. *Очерки по экономике посткоммунизма*. М., 1996.
7. Герасимова М. В., Громова Е. И., Шнаро К. И. *Автопортрет среднего класса в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии*, 2005. N 2. С. 173.
8. *Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки* М., 2004. С. 244.
9. *Огонек*, 2005. 18 февраля.
10. *Социально-экономические модели в современном мире и путь России*. М., 2002. С. 228.
11. В этом плане показательна лексика нынешней российской власти. Они говорят "откат", "крышевать", "кинуть", "шакалить" и, наконец, знаменитое "мочить".
12. *Теория капитала и экономического роста / Под ред. проф. А. С. Дзарасова*. М., 2004. С. 250 - 254.
13. *Теория капитала и экономического роста*, с. 249.
14. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. *Проблема "элиты" в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования*. М., 2007. С. 40.
15. Галкин А. *Тенденции изменения социальной структуры // Социол. исслед.* 1998. N 7. С. 88.
16. Bourdieu P. *La Reproduction. Elements pour une theorie du systeme d'enseignement*. P., 1970. P. 109.
17. Степанова О. К. *Понятие "интеллигенция": судьба в символическом пространстве и во времени // Социол. исслед.* 2003. N 1. С. 46 - 47.
18. Гринберг Р. *Философия кубышки. Российская экономика: промежуточные итоги // Свободная мысль-XXI*, 2004. N 4. С. 109.
19. Левада Ю. *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993 - 2000*. М., 2000. С. 304.
20. Саблина С. Г. *Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал*, 2000. N 1 - 2. С. 101.
21. *Аргументы и факты*. М., 2007. N 21. С. 8.